

**ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ.
В. В. ВИНОГРАДОВ — В. Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ — В. Т. БОНДАРЕНКО**

А. А. Хуснутдинов

Ивановский государственный университет

(г. Иваново, Россия)

Аннотация. В статье определяются основные направления развития отечественной фразеологической науки во второй половине XX века. Выделяются три основные линии разработки фразеологических материалов, которые отличаются друг от друга разным пониманием объекта и предмета фразеологии и решаемых ею задач: направление, представители которого считают объектом фразеологии все сочетания лексем, а предметом — особенности сочетаемости лексических единиц (линия «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.»), направление, представители которого определяют фразеологическую единицу как несловное образование, как особую единицу языка, не являющуюся словосочетанием, так как она состоит не из слов, а из компонентов, только генетически восходящих к словам или ассоциирующихся со словами (линия «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.»), и направление, представители которого рассматривают в качестве объекта фразеологии только те сочетания слов, которые характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью (линия «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.»). Особое внимание в статье уделяется характеристике третьего направления фразеологии, которое стало наиболее популярным в отечественной и зарубежной лингвистике. Указывается также на вклад в науку одного из представителей этого направления В. Т. Бондаренко, а именно на решение вопросов, связанных с научным описанием особенностей варьирования устойчивых фраз. Отмечается, что отношение В. Т. Бондаренко к проблеме варьирования фразеологических единиц как к явлению, затрагивающему и форму, и содержание единицы, а также его убеждение в том, что адекватное отражение реального функционирования фразеологических единиц возможно только при учете коммуникативного характера таких видоизменений в актах речи, позволяет ученому показать поле возможных трансформаций устойчивых фраз и способность фразеологических единиц к тем или иным модификациям, описать варианты парадигмы различных типов трансформаций с их оценкой с точки зрения устойчивости и изменчивости. В статье получает оценку и «Словарь ответных реплик в русской диалогической речи», составленный В. Т. Бондаренко, в котором представлен основной фонд употребительных устойчивых словесных формул, использующихся в речи в качестве ответных реплик-реакций.

Ключевые слова: русский язык, история фразеологической науки, фразеология, фразеологическая единица, фразема, устойчивая фраза, сочетаемость лексем.

**NOTES TO THE HISTORY OF PHRASEOLOGICAL SCIENCE.
V. V. VINOGRADOV – V. L. ARKHANGELSKY – V. T. BONDARENKO**

A. A. Khusnutdinov

Ivanovo State University

(Ivanovo, Russia)

Abstract. The article defines the main directions of the Russian phraseological science development in the second half of the XX century. The author distinguishes three main lines in the development of

phraseological materials. They differ from each other in perception of the object and subject of phraseology and the tasks it solves. The direction where the representatives see all the combinations of lexemes as the object of phraseology, and the peculiarities of lexical units compatibility as its subject (the line "E. D. Polivanov – M. M. Kopylenko– Z. D. Popova, etc."); the direction where the representatives define a phraseological unit as a non-word formation, as a special unit of language that is not a phrase, since it consists of components which are only genetically originated or associated with words and not of words themselves (the line "B. A. Larin – A. I. Molotkov, etc."); and the direction, the representatives of which consider only those combinations of words that are characterized by stability and reproducibility as the object of phraseology (the line "V. V. Vinogradov – V. L. Arkhangelsky and others"). The article pays particular attention to the characteristics of the phraseology's third direction, which has become the most popular in domestic and foreign linguistics. The author stresses the contribution to science of the representative of this direction, V. T. Bondarenko, namely, to the solution of the issues related to the scientific description of the features of stable phrases variation. It is stated that V. T. Bondarenko's attitude to the problem of varying phraseological units as a phenomenon affecting both the form and the content of a unit, as well as his belief that an adequate reflection of the real functioning of phraseological units is possible only when taking into account the communicative nature of such modifications in acts of speech. They allow the scientist to show the field of possible transformations of stable phrases and the ability of phraseological units to this or that modification, to describe the variant paradigms of various types of transformations with their evaluations in terms of stability and variability. The article also appreciates the "Dictionary of Responses in Russian Dialogical Speech", compiled by V. T. Bondarenko, which presents the main fund of common stable verbal formulas used in speech as response-reaction.

Keywords: Russian language, history of phraseological science, phraseology, phraseological unit, phraseme, stable phrase, lexeme compatibility.

Полное и цельное описание истории фразеологической науки является задачей будущего, однако уже в период становления и развития фразеологии как особой отрасли языкознания появляются обзоры и оценки научных исследований и словарей, посвященных описанию устойчивых сочетаний разных типов. Среди них не только аналитические обзоры реферативного характера в научных статьях, диссертациях и монографиях, представляющих так называемую «историю вопроса» рассматриваемой в работе научной проблемы, но и специальные исследования, ставящие задачей описать историю формирования тех или иных фразеологических концепций, очертить круг проблем, обсуждаемых в науке в тот или иной исторический период, показать особенности подхода к языковому материалу разных исследователей и т. д. (см., например, работы [16; 17; 19; 22] и др.). Заметим, однако, что в большей части таких исследований анализируются работы, в том числе и лексикографические труды, касающиеся времени становления фразеологии как науки или ее предыстории — «дофразеологического» периода. По-разному отражена в них и история фразеологии: одни работы построены как научные рефераты тех или иных трудов ученых, другие акцентируют внимание на особенностях решения разными авторами теоретических и практических проблем, актуальных в определенный исторический период развития фразеологии и фразеографии, третьи по содержанию и форме выступают как отзывы и рецензии. В этой связи кажется необходимым установление основных, магистральных путей развития фразеологии и фразеографии, что позволит более точно представить историю науки и объективно оценить место и значение каждого исследователя и научного труда в данной отрасли языкознания. Важно при этом учитывать особую роль лексикографических изданий в становлении, развитии и современном состоянии фразеологической науки. Сказанным определяется основная цель настоящей статьи: указать на три основные фразеологические концепции, которые, на наш взгляд, определили историю развития отечественной фразеологии и фразеографии во второй половине XX века и, соответственно, их нынешнее состояние и решаемые ими задачи в наши дни. При этом несколько больше места будет уделено характеристике одной

из них, заложенной академиком В. В. Виноградовым и развитой его учениками и последователями (среди которых В. Л. Архангельский, А. Г. Балакай, В. Т. Бондаренко, В. Н. Телия и др.) и получившей наибольшее распространение в науке.

Основным вопросом любой науки, в том числе и фразеологии, которым определяется необходимость выделения той или иной области исследования в самостоятельную науку, является вопрос о ее объекте и предмете. Для фразеологии этот вопрос имеет особое значение, что подчеркивается многими исследователями, ср., например: «...определение объема фразеологии является узловой проблемой данного раздела лингвистики, зависящей в свою очередь от того, что считать единицей фразеологического состава...» [19, с. 80]. Значимость этого вопроса фразеологической науки определяется разнообразием типов устойчивых сочетаний, каждый из которых имеет свои, часто весьма существенные, отличия, затрагивающие и форму, и содержание, и функциональное назначение таких сочетаний. Сущность самой этой проблемы для фразеологии как науки заключается в формулировке ответов на два вопроса: 1) что считать фразеологической единицей и 2) какие типы сочетаний следует отнести к фразеологическому составу языка. Четкие ответы на эти вопросы необходимы и для составителей фразеологических словарей: «Установление понятия фразеологизма должно лечь в основу работы над фразеологическим словарем, определить его типологические границы и объем» [2, с. 17].

В зависимости от ответов на эти вопросы во фразеологии принято выделять два «понимания» фразеологии, которые были предложены в 1957 г. С. И. Ожеговым — «фразеология в узком смысле» и «фразеология в широком смысле»: «Устойчивые словесные сочетания, бытующие в речи, разнородны по строению и по характеру использования в языке. Их объединяет только одно общее — это их устойчивость. Отсюда они так легко объединяются общим именем фразеологии. Но одни из них обладают определенными структурными особенностями и являются, наряду с отдельными словами, средствами построения предложений или элементами предложений. Подобные устойчивые словесные сочетания, фразеологические единицы языка, можно назвать фразеологией в узком смысле. Другие устойчивые сочетания, не обладающие указанными признаками, можно назвать фразеологией в широком смысле. При этом следует иметь в виду, что эти фразеологические стихии тесно взаимодействуют в своем историческом развитии, в процессе использования в речи» [14, с. 194]. С. И. Ожегов отмечает также, что фразеология в широком смысле многообразна. Она включает «"крылатые слова" в классическом смысле» — «любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты» — и «такого же рода всевозможные афоризмы, фразы, извлеченные из контекстов или составленные на основе каких-нибудь контекстов и ставшие ходовыми для цитирования», «пословицы, поговорки и подобные им словесные сочетания, объединяемые обычно как произведения народного творчества с присущими им жанровыми и художественными особенностями», а также «типические особенности словоупотребления, словосочетания и фразообразования в творчестве отдельных писателей или, преимущественно, в произведениях тех или иных литературных направлений и школ, а также фразовые особенности речи отдельных социальных слоев, профессиональных групп» [14, с. 194–197]. Здесь важно указать на следующее замечание С. И. Ожегова: «Таким образом, "крылатые слова", пословицы и поговорки, сказочные формулы, исторические афоризмы, анекдоты и другие многообразные творческие произведения, лишь разлагаясь на элементы, утрачивая структурные признаки жанра, уподобляясь структурно фразеологическим единицам, становятся достоянием собственно фразеологии языка» [14, с. 197].

Эта трактовка фразеологии как фразеологии в «широком» смысле и фразеологии в «узком» смысле получила известное распространение в науке, хотя предпринимались попытки, с одной стороны, обозначить такую трактовку как «ненаучную», с другой — представить ее в более детальном и уточненном виде, указывая при этом

(как и С. И. Ожегов), что изучение отдельных видов устойчивых сочетаний может выходить за пределы лингвистики, ср.: «Уяснение объективной сущности фразеологизма — это одновременно нахождение прямого и единственно правильного пути к определению объективного состава фразеологизмов в языке. Нет состава фразеологических единиц языка в “широком” или “узком” смысле слова, такое определение объекта фразеологии ненаучно; в состав фразеологизмов к о л и ч е с т в е н н о включаются в с е единицы языка, определяемые к а ч е с т в е н н о как фразеологизмы. Они могут дифференцироваться по семантико-тематическим, стилистическим, лексико-грамматическим и т. п. разрядам, но по категориальной сущности различаться не могут» [12, с. 18]; «Можно предложить даже условные названия для всех выделенных выше типов: *Фразеология-1* это раздел лингвистики, исследующий идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции; *Фразеология-2* — раздел лингвистики, изучающий категорию связанности значения (в ее лексических и семантических, а также лексико-грамматических аспектах) и знаковые функции связанного значения слова; *Фразеология-3* раздел лингвистики, изучающий клишированность речи (скорее всего во взаимодействии с теорией речевых актов и культурой речи); *Фразеология-4* — раздел лингвостилистики, исследующий характерные для того или иного направления, стиля или отдельного автора способы номинации; *Фразеология-5* — раздел паремиологии; *Фразеология-6* скорее всего прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции или слова, воспринимаемые как “цитации”, с целью создания энциклопедических словарей крылатых слов и выражений. Таким образом, к собственно лингвистическим разделам можно отнести *Фразеологию-1* — *Фразеологию-4*, выполняющие разные задачи» [20, с. 75]. В том, что деление фразеологии на «фразеологию в широком смысле» и «фразеологию в узком смысле» является весьма условным, убеждает и невозможность однозначно определить авторов большинства научных работ и составителей фразеологических словарей как исповедующих то или иное понимание фразеологии.

Вместе с тем с точки зрения объекта и предмета фразеологии как науки (и, соответственно, ее задач и места среди других научных дисциплин) в отечественном языкознании отчетливо выделяются три подхода к фразеологии языка, три фразеологические концепции, три направления во фразеологической науке, основоположниками которых являются (по хронологии) Е. Д. Поливанов, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин. Каждый из них, на наш взгляд, открыл свою линию во фразеологической науке, которая была продолжена их учениками и последователями. Рассмотрим особенности, которые позволяют увидеть черты, характерные для каждого направления, и своеобразие каждой фразеологической концепции, представив их как линии «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.», «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.», «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.».

Наиболее кратко и точно сущность идеи, лежащей в основе не только фразеологической концепции, но и одного из направлений исследования сочетаний слов русского языка, сформулирована ее автором — Е. Д. Поливановым: «В добавление к перечню отделов языкознания (как описательного, так и исторического) можно добавить понятие ф р а з е о л о г и и . Нужно указать однако, что разными авторами термину “фразеология” даются различные определения. Я позволю себе употребить этот для обозначения особой дисциплины (наряду с фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикой), занимающей по отношению к лексике то же положение, какое синтаксис занимает по отношению к морфологии. Дело в том, что как морфология так и синтаксис (в отличие от лексики) имеют объектом изучения символику общих (абстрактных) идей [формальные значения слов и типов словосочетаний]; лексика же имеет дело с выражением индивидуальных понятий [лексических значений], но по количественному признаку тех величин, которыми оперирует в качестве единиц данная дисциплина, лексика является соизмеримой лишь с морфологией (так как единицей-*taxitum* и в лексике и в морфологии служит слово, а единицей-*minitum* —

морфема), но не с синтаксисом (оперирующим, в качестве единицы-*maximit*, со словосочетанием или фразой, а в качестве единицы-*minimit* — со словом). И вот возникает потребность в особом отделе, который в данном отношении был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел бы в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных конкретных словосочетаний — подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями данных слов. Этому отделу языкознания я и уделяю наименование ф р а з е о л о г и и (другой, предлагавшийся для этого термин — и д и о м а т и к а) » [15, с. 60–61]. В этом высказывании Е. Д. Поливанова четко определяется объект, предмет фразеологии как особого отдела языкознания и соотношение ее с другими разделами науки о языке: объектом фразеологии, как и синтаксиса, являются все сочетания слов языка, а ее предметом (в отличие от синтаксиса, предметом которого являются общие, абстрактные, свойственные целым группам, рядам сочетаний слов, значения и способы их выражения) индивидуальные значения словосочетаний; фразеология и синтаксис соотносятся в этом отношении с лексикологией и морфологией, которые описывают слово с точки зрения, соответственно, индивидуальных (лексических) и общих (грамматических) значений; таким образом, фразеология находит свое место среди других научных дисциплин и восполняет недостающее звено в ряду наук о языке.

Эта идея Е. Д. Поливанова была поддержана многими учеными, но наибольшее развитие она получила в трудах М. М. Копыленко и З. Д. Поповой, а также их последователей. М. М. Копыленко так уточняет объем сочетаний слов, которые должны быть объектом фразеологии как науки: «В рамках единого раздела языкознания — фразеологии — может быть обеспечено глубокое и плодотворное изучение в с е х в и д о в индивидуальной и групповой сочетаемости лексем. Проводимый здесь широкий взгляд на фразеологию исключает, однако, введение в число ее объектов образований типа *до нитки, в ногу, в нос, под спудом, под боком, не по зубам* и под. Эти образования лишь внешне, орфографически похожи на сочетания лексем. По нашему мнению, н е п о д л е ж а т также рассмотрению фразеологии пословицы, афоризмы и под., которыми должна заниматься фольклористика и поэтика» [7, с. 14]. При этом указывается на «узость» точки зрения, которая рассматривает в качестве объекта фразеологии не все словосочетания, а только устойчивые, воспроизводимые, идиоматичные сочетания слов: «Узость точки зрения, исходящей из того действительно наблюдаемого факта, что идиоматичность «осязаема» более всего в пределах синтагмы, привела многих исследователей к необходимости выделения специальной лингвистической дисциплины — фразеологии, занимающейся либо идиоматичностью в рамках комбинаций слов, либо (что неизмеримо нерациональней) идиоматичностью «избранных» сочетаний языка. Последнее является беспрецедентным в свете общей линии и принципов эволюции лингвистического знания, ибо в рамках фонологии, например, не существует какой-то особой науки, изучающей какие-то особые фонемы, наоборот, систематизации и анализу подлежат все наличные фонемы так же, как и все наличные морфемы, лексемы и т. д. без исключения являются объектом изучения соответственно в грамматике, лексикологии и т. д.» [8, с. 5–6]. Объектом фразеологии, таким образом, являются все сочетания лексем, существующие в языке, а предметом — установление и описание закономерностей, на основе которых образуются такие сочетания, т. е. описание особенностей сочетаемости лексем исследуемого языка. Наличие таких закономерностей доказывается результатами экспериментов, описанных в книге М. М. Копыленко «Сочетаемость лексем в русском языке» [7, с. 14], здесь же показаны возможности и перспективы разработки словосочетаний в таком ключе с точки зрения межъязыковых соответствий и в диахроническом плане. В последующих работах М. М. Копыленко и З. Д. Поповой эта концепция получила развернутое теоретическое обоснование: дается характеристика денотативных и коннотативных семантических признаков, обеспечивающих возможности сочетаемо-

сти слов друг с другом, определяются типы сочетаемости лексем, описываются особенности «фразеосочетаний» (термин эквивалентен понятию «сочетание лексем») в системе языка и др. [8; 9].

Фразеологическая концепция, условно обозначенная нами выше как «Е. Д. Поливанов — М. М. Копыленко, З. Д. Попова и др.», заслуживает специального описания не только как научная концепция и особое направление в истории фразеологической науки. Она заслуживает внимания и с точки зрения ее вклада в общую теорию языка, и с точки зрения разработки узловых проблем фразеологии, в особенности в разделах, связанных с диахроническим и сопоставительным изучением фразеологии, преподаванием русского языка как неродного, теорией и практикой перевода с одного языка на другой. Не лишне заметить также, что сами валентные свойства как слов, так и фразеологических единиц (идиом) описаны в науке далеко не полно.

Противоположной почти по всем пунктам указанной выше концепции выглядит трактовка фразеологии по линии «Б. А. Ларин — А. И. Молотков и др.». Основа этой фразеологической концепции была заложена в статье Б. А. Ларина «Очерки по фразеологии», опубликованной в 1956 году [10]. В ней Б. А. Ларин отмечает, что сочетаемость слов ограничивается в любом языке целым рядом факторов: грамматическим значением слова (то, что определяется в науке как грамматическая сочетаемость слова), «реальным» значением слова (лексическая сочетаемость слова), «стилистическим тяготением слова» (стилистическая окраска слова), а также традицией словоупотребления. Поэтому, считает Б. А. Ларин, уместнее говорить не о «свободных», а об «изменяемых», «переменных» сочетаниях слов, противопоставляя их «неизменяемым», «устойчивым». Анализируя типы фразеологических единиц, выделенные В. В. Виноградовым, Б. А. Ларин указывает, что «фразеологические сочетания» по своим свойствам стоят ближе к «переменным» сочетаниям, чем к сочетаниям «неизменяемым», «устойчивым», «неразложимым», поэтому нет необходимости выделять их в особую группу, а следует отнести их к сочетаниям «переменным». Таким образом, по Б. А. Ларину, к фразеологическому составу языка относятся только два типа сочетаний, а именно метафорические сочетания, соответствующие фразеологическим единствам в классификации В. В. Виноградова, и идиомы, соответствующие фразеологическим сращениям по схеме В. В. Виноградова. Важно указать, что исходной точкой возникновения фразеологических единиц Б. А. Ларин считает именно «переменные» сочетания, на основе которых при утрате реалии, обозначаемой данным сочетанием слов, семантического обогащения (метафоризации) смысла сочетания, «деформации» формы сочетания и изменения его грамматической структуры образуются особые — метафорические — сочетания и идиомы, отличающиеся от переменных сочетаний «неразложимостью», обусловленной «полной спайкой компонентов» (семантической, а часто и грамматической неразложимостью), которая приобретает сочетаниями в процессе их функционирования в языке в результате воздействия на них указанных выше факторов. В основу классификации Б. А. Ларина, таким образом, положен исторический принцип становления идиом — от переменных, «разложимых» сочетаний к метафорическим, «неразложимым», а от них — к сочетаниям идиоматического характера (см. подробнее [10]).

Предложение Б. А. Ларина ограничить фразеологию языка только метафорическими сочетаниями с ослабленной «семантической членораздельностью» и семантически и грамматически «неразложимыми» идиомами преодолеvalo одну из трудностей, стоящих перед фразеологами, так как при признании отличительными признаками фразеологических единиц таких свойств, как «воспроизводимость» и «устойчивость», во фразеологический состав языка включались самые разные по форме, содержанию и функциональному назначению типы предикативных и непредикативных сочетаний слов, а квалификация как фразеологических единиц только сочетаний идиоматического характера, целостных, неразложимых семантически и грамматически, каковыми являются метафорические сочетания (фразеологические

единства) и идиомы (фразеологические сращения), давало возможность представить фразеологический корпус языка как совокупность категориально однотипных единиц, что, в свою очередь, позволяло применить к ним единые приемы и методы научного описания.

Суждения Б. А. Ларина о фразеологии получили подтверждение в процессе работы над «Фразеологическим словарем русского языка» [21]. В послесловии к пятому изданию «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молотков пишет: «Уже во время работы над словарем было установлено, что фразеологическая единица представляет собой языковое образование, состоящее не из слов, как считали до этого, а из компонентов, которые лишь орфографически и по своему звучанию похожи на слова. Фразеологическая единица выделяется в языке и отграничивается от всех других единиц языка по совокупности своих категориальных, или различительных, дифференциальных признаков, которые присущи только ей и невозможны в этой совокупности у других категориально иных, чем она, единиц языка, в том числе и прежде всего от слова, с которым она сочетается в речи, и от словосочетания, к которому генетически, по своему происхождению, восходит. К ее категориальным признакам относятся лексическое и грамматическое значения, образующие ее содержание, и компонентное строение, характеризующее ее форму. Как особая единица языка она реально существует в языке и реально употребляется в речи только в единстве своей формы и своего содержания. Она вступает в связи и отношения со словами по законам лексической и грамматической сочетаемости единиц языка как член предложения, образуя со словом фразеологическое сочетание из категориально разных единиц языка (фразеологической единицы и слова), противопоставляемое словосочетанию, состоящему из категориально однотипных единиц (слов). Лексикографическая разработка фразеологических единиц, осуществленная во „Фразеологическом словаре русского языка“, соответствующая такому пониманию фразеологической единицы, подтверждает объективность ее научной оценки как особой самостоятельной и обособленной единицы языка, что нашло свое отражение как в подробном описании ее формы, так и в толковании ее значения» [13, с. 537]. Теоретические основы словаря, представленные в предисловии к словарю [11, с. 7–23], в развернутом виде изложены в книге А. И. Молоткова «Основы фразеологии русского языка» [12].

Таким образом, фразеологическая концепция, послужившая теоретической основой «Фразеологического словаря русского языка» и получившая развернутое обоснование в трудах А. И. Молоткова, предлагает принципиально иную, чем рассмотренная выше, трактовку фразеологии. В ней фразеологическая единица определяется не как сочетание слов, а как особая единица, категориально отличающаяся и от слова, с которым она употребляется в речи (что требует определенной соотносительности слова и фразеологизма по ряду признаков), и от словосочетания, к которому она генетически восходит или сходна с ним по внешнему облику. Фразеологическая единица является несловным образованием, она состоит не из слов, как словосочетание, а из компонентов, которые являются словами лишь «этимологически» (Б. А. Ларин), «орфографически» (С. И. Абакумов), «по звуковому облику» (А. И. Молотков) или представляют собой звуковые комплексы, которые только в сознании говорящих ассоциируются со словами (*ни бельмеса, тары-бары раста-бары, тяп-ляп, на фуфу, шуры-муры* и т. п.). Фразеологическая единица как особая единица языка имеет свои категориальные и некатегориальные признаки, набором которых определяется ее место в языке, ее соотношение и взаимодействие с другими языковыми единицами. Задачей фразеологии как науки является всестороннее и объективное описание всего корпуса единиц, определяемых как фразеологические единицы, по всем признакам, которыми они обладают (независимо от того, являются ли они единицами литературного языка или находятся за его пределами, являются ли они актуальными или неактуальными — устаревшими или новыми — в современной речи,

исконными и заимствованными по происхождению и т. д.). Эти задачи в науке последовательно решаются соратниками и учениками А. И. Молоткова. (Некоторые результаты исследований в рамках «фразеологической школы Молоткова» представлены в коллективной монографии «Русская фразеология и фразеография: К 100-летию А. И. Молоткова» [18].) Результаты исследований в рамках этого направления позволяют утверждать, что фразеологическая единица как особая единица языка «обнаруживает свое присутствие в языковой системе во всех ее звеньях и на всех уровнях, подчиняясь общим законам языка и сохраняя при этом свое — и часто отчетливо выраженное — своеобразие» [24, с. 113] (см. также [23]).

Наибольшее распространение во фразеологии получило направление, определившееся в известных фразеологических трудах В.В. Виноградова [5, 6]. В основе этой концепции лежат идеи о наличии в языке особой разновидности сочетаний слов, отличающихся от обычных «слитностью» слов-компонентов («слитные речения» Ф. Ф. Фортунатова) и семантической и грамматической «неразложимостью» на слова («неразложимые словосочетания» А. А. Шахматова), см. подробнее [22, с. 120–121]. Было очевидно, указывает В. В. Виноградов, что «словесные единства», в которых «элементы не могут быть оторваны друг от друга и от формы их взаимной связи», должны быть исследованы, и исследованы не только в категориях «индивидуальной стилистики», но и как особые — фразеологические — единицы, свойственные общей языковой системе [5, с. 121]. В. В. Виноградов выделяет три типа таких единиц: фразеологические сращения — сочетания абсолютно неделимые, неразложимые, немотивированные и непроизводные, элементы которых лишь «однозвучны» с самостоятельными отдельными словами [5, с. 121–127]; фразеологические единства, «которые тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов» [5, с. 131]; фразеологические сочетания — «несвободные, устойчивые, но сочетания слов, подвергающиеся разложению, семантически делимые» [5, с. 138]. Устойчивые выражения предикативного характера, выделенные впоследствии Н. М. Шанским в особый тип фразеологических оборотов и обозначенные им как «фразеологические выражения» [25, с. 62–63], В. В. Виноградов рассматривает как разновидность фразеологических единств: «К области фразеологических единств относятся и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы, и поговорки» [5, с. 133]. Таким образом, специфической чертой фразеологической концепции, обозначенной здесь как линия «В. В. Виноградов — В. Л. Архангельский и др.», является определение фразеологических единиц как особой разновидности сочетаний слов, которые отличаются от обычных — «свободных», «переменных» — устойчивостью с точки зрения содержания и формы, обусловленной слитностью, связанностью (хотя и в разной степени) слов-компонентов, образующих данное сочетание, что обеспечивает их воспроизводимость — возможность использования таких сочетаний в разных речевых ситуациях и контекстах с сохранением их основных формальных и содержательных свойств. Именно эту часть сочетаний слов — устойчивых, воспроизводимых — предлагалось определять как фразеологические единицы и рассматривать их как объект фразеологической науки.

Совершенно очевидной в этом случае является необходимость определения и научной разработки самого понятия «устойчивость» в языке в целом и во фразеологии в частности. Фразеологическая концепция, разрабатываемая в таком ключе, предстает у В. Л. Архангельского как теория устойчивых фраз: «Основной принцип теории устойчивых фраз состоит в комплексном изучении фразеологических объектов в терминах отношений между их частями, взятыми как единицы разных уровней русской языковой структуры. Эти отношения между членами ФЕ качественно отличаются от

отношений между членами теоретически возможных эквивалентов ФЕ в кругу свободных словосочетаний или предложений. Разные виды зависимости между членами устойчивой фразы, взятыми на разных уровнях, определяют эти члены как постоянные и переменные. Функционирование устойчивых фраз в речи показывает, что в их составе наблюдаются ограничения в выборе переменных. Эти ограничения не могут быть описаны теми же методами, которыми изучаются свободные эквиваленты устойчивых фраз, ибо фразеологические явления языка часто представляют собой своеобразные, хотя и традиционные, смещения или отклонения от нормы на всех уровнях языковой структуры» [1, с. 4]. Устойчивость фразеологической единицы определяется, по В. Л. Архангельскому, «внутренней зависимостью между членами ФЕ», которая может быть двусторонней (взаимная детерминация, «при которой один член ФЕ как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот»), односторонней (детерминация, «при которой один член ФЕ как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование другого члена как единицы того же или смежного уровня, но не наоборот») или совмещением (индетерминация, «при которой оба члена ФЕ как единицы одного определенного уровня совмещаются друг с другом как логически равноправные, и ни один элемент не предполагает существование другого, хотя оба воспроизводят традиционную комбинацию») [1, с. 110–114]. В составе фразеологической единицы В. Л. Архангельский различает постоянные и переменные части: «Поскольку каждый член ФЕ, взятый на определенном уровне, является одновременно и лексемой, и семемой, и словоформой, а ФЕ в языке представляет модель словосочетания или предложения, между членами ФЕ существуют одновременно отношения лексические, семантические, парадигматические и синтаксические. Эти четыре вида зависимости пересекаются в одной и той же ФЕ. Постоянный — это член ФЕ, взятый как единица определенного уровня в качестве члена определенной зависимости, наличие которого является необходимым условием для присутствия другого члена ФЕ того же уровня и той же зависимости. Переменный — это член ФЕ, взятый как единица определенного уровня в качестве члена определенной зависимости, наличие которого не является необходимым условием для присутствия другого члена ФЕ того же уровня в качестве второго члена той же зависимости» [1, с. 115–116]. Устойчивость фразеологической единицы основана, по В. Л. Архангельскому, на совокупности закономерных ограничений в выборе переменных. (Поэтому, отмечает В. Л. Архангельский, правильнее было бы говорить о константности или постоянности фразеологической единицы [1, с. 115–116].) Понятие устойчивости или постоянности позволяет В. Л. Архангельскому говорить об особой внутренней организации фразеологической единицы, отличающей (= отграничивающей) ее от обычных сочетаний слов.

Многие идеи В. Л. Архангельского получили развитие в трудах его учеников, последователей и сторонников, в чем может убедиться каждый, знакомый хотя бы в общих чертах с историей становления и развития отечественной фразеологии и фразеологии во второй половине XX века. В данном случае считаем необходимым указать только на разработку тех проблем, которые прямо относятся к характеристике устойчивости (постоянности) как признака, отличающего фразеологические обороты от «переменных» сочетаний слов, в том числе и тех, которые могут рассматриваться как возможные «свободные» эквиваленты фразеологических единиц. Это в первую очередь разработка теории связанности элементов сочетаний (В. Н. Телия) и варируемости компонентов (В. Т. Бондаренко), так как ими в первую очередь определяются характер и степень устойчивости словесных комплексов, обозначаемых как фраземы и устойчивые фразы. История разработки каждой из этих проблем в трудах названных ученых заслуживает отдельного и основательного разбора, здесь же обратим внимание только на те идеи В. Т. Бондаренко, в которых мы видим решение ряда

вопросов о варьированности устойчивых фраз, поставленных в свое время В. Л. Архангельским, ср.: «Понятие устойчивости неразрывно связано с понятием вариантности и невариантности и с представлением о пределе варьирования одной и той же ФЕ. Поиски инвариантов как постоянных, лежащих в основе изменений, представления о языковых моделях как пределе варьирования пронизывают современные лингвистические воззрения на языковые единицы разных уровней. Можно говорить об инварианте и вариантах одного и того же фразеологического объекта. С другой стороны, идея инварианта связана с идеей дифференциальных признаков языковой единицы вообще, ФЕ – в частности» [1, с. 119]; и далее: «Степень устойчивости ФЕ зависит от степени вариантности ФЕ, а степень вариантности ФЕ – прежде всего от вида внутренней зависимости между членами ФЕ. Эти зависимости определяют члены ФЕ как постоянные и переменные на разных уровнях языковой структуры и создают ограничения в выборе переменных» [1, с. 120]. Эти идеи В. Л. Архангельского получили развернутое описание в трудах В. Т. Бондаренко, которые в целостном и концептуальном виде изложены в его монографии 2011 года [3].

Во фразеологическом составе языка В. Л. Архангельский, как известно, различает два типа единиц: «фраземы» – фразеологические единицы, структурно организованные как непредикативные сочетания слов, и «устойчивые фразы» – фразеологические единицы, имеющие структуру сочетаний слов предикативного характера. При этом он отмечает, что в теории русской фразеологии устойчивые фразы являются наименее изученными [1, с. 146]. (На это нам важно указать, так как данное замечание оказывается справедливым и в наши дни, ср. например: «Рассуждая о границах между крылатым словом и крылатым выражением, между крылатым выражением и фразеологизмом, между крылатым выражением, афоризмом и литературной цитатой, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью решения целого ряда проблем, чрезвычайно актуальных для лингвистики» [26, с. 26]; «Проблема лингвистического статуса УФ из числа пословично-поговорочных и крылатых выражений до сих пор относится к числу дискуссионных» [3, с. 6].) Не случайно поэтому, что В. Т. Бондаренко обращает внимание прежде всего на характеристику устойчивых фраз – фразеологических единиц, соотносительных в семантико-грамматическом плане с высказываниями (предложениями), ставя своей целью «показать диапазон семантической и грамматической изменчивости (варьированности) УФ в речевой деятельности и обосновать закономерности их речевой мобильности (подвижности), наметить типологию видоизменений УФ на каждом уровне их организации – внутренней и внешней, оценить каждый вид варьирования УФ с точки зрения тождества и различия (что дает и к чему приводит то или иное преобразование фразовой единицы в тексте)» [3, с. 5]. Замечание В. Л. Архангельского о связи устойчивости и вариантности фразеологических оборотов у В. Т. Бондаренко получает чеканную форму: «...устойчивость и воспроизводимость не исключают, а предполагают противоположную закономерность – свойство варибельности и частичной творимости УФ в живой речи. Устойчивость и изменчивость взаимосвязаны: УФ только потому и можно видоизменять, что каждый носитель языка знает их значение и структуру» [3, с. 7–8]. Варьирование, таким образом, рассматривается как одно из важнейших свойств устойчивых фраз как единиц языка. Более того, варьирование является общим свойством, объединяющим устойчивые фразы «как ФЕ-максимум» и фраземы (устойчивые сочетания непредикативного характера) «как единицы минимум» [3, с. 6]. Поэтому «варьирование УФ – это часть общей проблемы фразеологической вариантности» [3, с. 17]. Отсюда и более пристальное внимание В. Т. Бондаренко к этой стороне именно устойчивых фраз: фразеологическая вариантность должна быть описана не только на материале фразем (идиоматических выражений), чему посвящено большинство научных работ данной тематики, но и на материале устойчивых фраз, которые и сами по себе, и с точки зрения их варьирования не могут считаться исследованными в достаточной для современного уровня фразеологии степени. И

здесь главную задачу он видит «в определении и описании самого пространства, занимаемого УФ в процессе их функционирования в речи, а также в рассмотрении самого механизма вариантообразования» [3, с. 23]. Укажем далее на некоторые особенности подхода В. Т. Бондаренко к решению проблем вариантности устойчивых фраз.

Для В. Т. Бондаренко очевидно, что вариантность устойчивых фраз (как и фразеологии в целом) – это не только видоизменения плана выражения единицы. Варьирование охватывает все стороны фразеологической единицы – как ее форму, так и ее содержание – и определяет возможности употребления единицы в речи, см.: «Варьированию подвергаются все стороны УФ: семантическая, лексическая, морфологическая, синтаксическая. Оно бывает “чистым”, если затрагивает какой-либо один уровень языка, или же, чаще всего, смешанным, охватывая сразу несколько уровней» [3, с. 22]; «... варьирование охватывает не только планы содержания и выражения УФ, но и те характеристики, которые эти ФЕ получают при реализации на синтагматической оси, т. е. в структуре текста» [3, с. 118]. Отсюда особое внимание В. Т. Бондаренко к реальному употреблению устойчивых фраз в речи, так как именно контекст и ситуация речи актуализируют единицу, переводя ее из единицы виртуальной (потенциальной) в единицу функциональную, реальную, и именно в речи, в конкретных речевых условиях реализуются заложенные в ней языковые потенции, в том числе и возможности к тем или иным преобразованиям. «Вот почему контекстологический анализ УФ имеет особую актуальность для познания закономерностей их вариантообразования. Без изучения контекстной реализации УФ, рассмотрения УФ в условиях конкретного речевого акта нельзя получить адекватную картину их вариативности, раскрыть объективные возможности варьирования в плане содержания и в плане выражения, определить место и роль каждого вида изменения для функционирования УФ» [3, с. 25]. Образец такого анализа устойчивых фраз с разных сторон и в разных аспектах на живом и разнообразном языковом материале представлен в книге В. Т. Бондаренко [3, с. 26–141]. Этот анализ позволяет увидеть в устойчивых фразах не только общее, что роднит их с фраземами, но и особенное, что выделяет их из общего ряда фразеологических единиц. Отмечается, в частности, что устойчивые фразы обнаруживают более сильную по сравнению с фраземами тягу к вариативности, что в бесконечном множестве реальных модификаций устойчивых фраз проявляется строгая система, представленная исчисляемым количеством моделей варьирования, что вариации устойчивых фраз образуют определенную уровневую парадигму, а эти уровневые вариации могут иметь смешанный (перекрещивающийся) характер, и т. д., см. [3, с. 142–143].

Вниманием В. Т. Бондаренко к живой речи в первую очередь объясняется его стремление ввести в научный обиход те типы однословных (лексических) и неоднословных (фразеологических) образований, которые до последнего времени не были объектом специального научного описания, в том числе и лексикографического. Речь идет о «Словаре ответных реплик в русской диалогической речи», составленного В. Т. Бондаренко [4], в котором представлен основной фонд употребительных в современной русской речи устойчивых словесных формул и лексических единиц, использующихся в качестве ответных реплик-реакций, и дана их семантическая и стилистическая характеристика во всем их варианном (узуальном и окказиональном) разнообразии. Словарь, задуманный и реализованный как ненормативный (описательный, фиксирующий) по типу, имеет как научную, так и практическую ценность. Материалы словаря, в том числе и иллюстрации, выбранные из художественных и газетно-публицистических текстов и живой разговорной речи, не только «помогут дальнейшему более глубокому изучению свойств представленных в нем языковых единиц», но и дадут возможность российскому и иностранному пользователю «объяснить и понять особенности менталитета, коммуникативного поведения русских людей, культуры их речевого общения» [4, с. 9]. Словарь В. Т. Бондаренко не

просто заполняет лакуну в ряду словарей русского языка, он занимает свое место в отечественной лексикографии и фразеологии и как труд, в котором ставятся и решаются теоретические и практические проблемы, важные для дальнейшего развития словарного дела у нас и за рубежом.

В заключение отметим, что наличие разных научных концепций и подходов к языковому материалу не мешало, а, скорее, даже способствовало поступательному развитию фразеологической науки: в рамках каждого направления вырабатываются и оттачиваются свои методы и приемы анализа фразеологии языка в различных аспектах, в научный обиход вводится такой языковой материал, который прежде не был в поле зрения исследователей, устойчивые сочетания разных типов получают свою лексикографическую разработку в многочисленных и разнообразных по содержанию, построению и целевому назначению словарях. Каждый из рассмотренных выше подходов вносит свой вклад в решение общих задач, стоящих перед фразеологией и фразеологией. При этом показательно, что научные интересы ученых выходят — и часто далеко — за рамки «своего» направления. Это наглядно демонстрируют результаты деятельности центров фразеологии в Москве, Санкт-Петербурге (Ленинграде), Великом Новгороде, Костроме, Туле, Челябинске, Минске, Самарканде и др. Это мы видим и в работах многих известных ученых-фразеологов (В. П. Жуков, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия и др.). Возможно, именно наличие разных подходов к объекту и предмету фразеологической науки во многом способствовало активному и успешному развитию фразеологии и фразеологии как особых разделов языкознания, а также уточнению соотношения фразеологии с другими научными дисциплинами — терминоведением, паремиологией и др.

Список источников и литературы

1. *Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1964. 316 с.*
2. *Бабкин А. М. Фразеология и лексикография (задачи русского фразеологического словаря) // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы / под ред. А. М. Бабкина. М.: Наука, 1964. С. 7–36.*
3. *Бондаренко В. Т. Устойчивые фразы в русской речи. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2011. 153 с.*
4. *Бондаренко В. Т. Ответные реплики в русской диалогической речи : словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2013. 339 с.*
5. *Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Лексикология и лексикография. Избранные труды. М.: Наука, 1977. С. 118–139.*
6. *Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Там же. С. 140–161.*
7. *Копыленко М. М. Сочетаемость лексем в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 120 с.*
8. *Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по фразеологии (проблемы, методы, опыты). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. 144 с.*
9. *Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по фразеологии (фразеосочетания в системе языка). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. 192 с.*
10. *Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы.) М.: Просвещение, 1977. С. 125–149.*

11. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. С. 7–23.
12. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 284 с.
13. Молотков А. И. Послесловие к переизданию «Фразеологического словаря русского языка» // Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. Изд. 5-е, стереотип. СПб.: Вариант, 1994. С. 537–541.
14. Ожегов С. И. О структуре фразеологии (в связи с проектом фразеологического словаря русского языка) // Лексикология. Лексикография. Культура речи : учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1974. С. 182–219.
15. Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л.: Ленингр. вост. ин-т им. А. С. Енукидзе, 1928. 220 с.
16. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1973. 223 с.
17. Ройзензон Л. И., Малиновский Е. А., Хаятин А. Д. Очерки истории становления фразеологии как лингвистической дисциплины. Самарканд: Изд-во Самарканд. ун-та, 1975. 130 с.
18. Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2016. 312 с.
19. Телия В. Н. Что такое фразеология. М.: Наука, 1966. 87 с.
20. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
21. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М.: Сов. энцикл., 1967. 543 с.
22. Хуснутдинов А. А. У истоков русской фразеологии и фразеографии // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 107–125.
23. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры ее научного описания // Русская фразеология и фразеография: к 100-летию А. И. Молоткова. Иваново: Изд-во Иван. гос. ун-та, 2016. С. 43–94.
24. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица в системе языка // Там же. С. 95–114.
25. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Высш. шк., 1985. 160 с.
26. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2001. 288 с.

References

1. Arkhangel'skiy V. L. *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke. Osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Stable phrases in modern Russian. Foundations of the theory of stable phrases and problems of general phraseology]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta Publ., 1964. 316 p. [In Russian].
2. Babkin A. M. *Frazeologiya i leksikografiya (zadachi russkogo frazeologicheskogo slovary)* [Phraseology and lexicography (tasks of the Russian phraseological dictionary)]. *Problemy frazeologii. Issledovaniya i materialy*. Ed. by A. M. Babkin. Moscow: Nauka Publ., 1964. Pp. 7–36. [In Russian].

3. Bondarenko V. T. *Ustoychivyye frazy v russkoy rechi* [Stable phrases in Russian speech]. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2011. 153 p. [In Russian].
4. Bondarenko V. T. *Otvetnyye repliki v russkoy dialogicheskoy rechi: slovar'* [Dictionary of response remarks in Russian dialogical speech]. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N. Tolstogo Publ., 2013. 339 p. [In Russian].
5. Vinogradov V. V. Osnovnyye ponyatiya russkoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny [Basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannyye Trudy* [Lexicology and Lexicography. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 118–139. [In Russian].
6. Vinogradov V. V. Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh yedinit v russkom yazyke [The main types of phraseological units in the Russian language]. *Leksikologiya i leksikografiya. Izbrannyye Trudy* [Lexicology and Lexicography. Selected Works]. Moscow: Nauka Publ., 1977. Pp. 140–161. [In Russian].
7. Kopylenko M. M. *Sochetayemost' leksem v russkom yazyke* [Compatibility of lexemes in the modern Russian language]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1973. 120 p. [In Russian].
8. Kopylenko M. M., Popova Z. D. *Ocherki po frazeologii (problemy, metody, opyty)* [Essays on phraseology (problems, methods, experiments)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1978. 144 p. [In Russian].
9. Kopylenko M. M., Popova Z. D. *Ocherki po frazeologii (frazeosochetaniya v sisteme yazyka)* [Essays on phraseology (phrase combinations in the language system)]. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo universiteta Publ., 1989. 192 p. [In Russian].
10. Larin B. A. Ocherki po frazeologii (O sistematizatsii i metodakh issledovaniya frazeologicheskikh materialov) [Essays on phraseology. On the systematization and research methods of phraseology]. *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznanie. (Izbrannyye raboty)* [History of the Russian Language and General Linguistics. (Selected Works)]. Moscow: Prosveshcheniye Publ., 1977. Pp. 125–149. [In Russian].
11. Molotkov A. I. Frazelogizmy russkogo yazyka i printsipy ikh leksikograficheskogo opisaniya [Phraseologisms of the Russian language and the principles of their lexicographic description]. *Frazelogicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. Pp. 7–23. [In Russian].
12. Molotkov A. I. *Osnovy frazeologii russkogo yazyka* [Basics of Russian phraseology]. Leningrad: Nauka Publ., 1977. 284 p. [In Russian].
13. Molotkov A. I. Poslesloviye k perezdaniyu «Frazelogicheskogo slovary russkogo yazyka» [Afterword to the reprint of the "Phraseological dictionary of the Russian Language"]. *Frazelogicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. Ed. by A. I. Molotkov. 5th ed., stereotyped. St. Petersburg: Variant Publ., 1994. Pp. 537–541. [In Russian].
14. Ozhegov S. I. O strukture frazeologii (v svyazi s proyektom frazeologicheskogo slovary russkogo yazyka) [On the structure of phraseology (in connection with the draft of Phraseological dictionary of the Russian Language)]. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi : ucheb. posobiye dlya vuzov* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech. Textbook. Manual for universities]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1974. Pp. 182–219. [In Russian].
15. Polivanov E. D. *Vvedeniye v yazykoznanie dlya vostokovednykh vuzov* [Introduction to Linguistics for Oriental studies]. Leningrad: Leningradskiy vostochnyy institut im. A. S. Yenukidze. 1928, 220 p. [In Russian].

16. Roizenzon L. I. *Lektsii po obshchey i russkoy frazeologii* [Lectures on general and Russian phraseology]. Samarkand: Izd-vo Samarkandskogo universiteta Publ., 1973. 223 p. [In Russian].
17. Roizenzon L. I., Malinovsky E. A., Khayutin A. D. *Ocherki istorii stanovleniya frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny* [Essays on the history of the formation of phraseology as a linguistic discipline]. Samarkand: Izd-vo Samarkandskogo universiteta Publ., 1975. 130 p. [In Russian].
18. *Russkaya frazeologiya i frazeografiya: k 100-letiyu A. I. Molotkova* [Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A.I. Molotkov]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2016. 312 p. [In Russian].
19. Telia V. N. *Chto takoye frazeologiya* [What phraseology is]. Moscow: Nauka Publ., 1966. 87 p. [In Russian].
20. Telia V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996. 288 p. [In Russian].
21. *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language] ed. by A. I. Molotkov. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1967. 543 p. [In Russian].
22. Khusnutdinov A. A. U istokov russkoy frazeologii i frazeografii [At the origins of Russian phraseology and phraseography]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. № 1.* [Ivanovo State University Bulletin. Philology. Series "The Humanities". Issue 1.]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2008. Pp. 107–125. [In Russian].
23. Khusnutdinov A. A. Frazeologicheskaya yedinita kak osobaya yedinita yazyka i parametry yeye nauchnogo opisaniya [Phraseological unit as a special unit of language and parameters of its scientific description]. *Russkaya frazeologiya i frazeografiya: k 100-letiyu A. I. Molotkova* [Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A.I. Molotkov]. Ivanovo: Ivanovskiy gos. Universitet Publ., 2016. Pp. 43–94. [In Russian].
24. Khusnutdinov A. A. Frazeologicheskaya yedinita v sisteme yazyka [Phraseological unit in the language system]. *Ibid.* Pp. 95–114. [In Russian].
25. Shansky N. M. *Frazeologiya sovremennogo russkogo yazyka. Izd. 3-ye, ispr. i dop.* [Phraseology of the modern Russian language. 3d edition, rev. and aug.]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1985. 160 p. [In Russian].
26. Shulezhkova S. G. *Krylatyye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitiye* [Idioms of the Russian language, their sources and development]. Moscow: Azbukovnik Publ., 2001. 288 p. [In Russian].

Дата поступления статьи: 01.03.2021
Дата решения о публикации: 25.03.2021

Date of receipt of article: 01.03.2021
Date of publication decision: 25.03.2021

Сведения об авторе

Хуснутдинов Арсен Александрович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры отечественной
филологии ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет»
(e-mail: arsen1418@mail.ru)

Information about the Author

Khusnutdinov Arsen Aleksandrovich,
Doctor of Philology, Professor, Professor of
the Department of the Russian Philology,
Ivanovo State University
(e-mail: arsen1418@mail.ru)